

> МАГИСТРАЛЪ >

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

Роман о двух мирах

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К66

Maria Corelli
A ROMANCE OF TWO WORLDS
1886

Перевод с английского *Александры Глебовской*
Художественное оформление *Натальи Портяной*

Корелли, Мария.

К66 Роман о двух мирах / Мария Корелли ; [перевод с английского А. Глебовской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-230725-6

Молодая талантливая пианистка, страдающая от тяжёлой депрессии и нервного истощения, по совету врача уезжает из Лондона в Канны. Там она встречает итальянского художника Рафаэлло Челлини, обладающего почти мистическим пониманием искусства и тайны цвета. Он говорит о том, кто может ей помочь, но путь к исцелению потребует от неё переосмысления всего, что она, как ей казалось, знала о самой реальности. Главная героиня едет в Париж, знакомится с загадочным целителем и мистиком Гелиобасом. Она проходит через экзотическое лечение, визионерские сны, которые постепенно исцеляют её душу и тело. Переживая духовное пробуждение, она видит небесные видения, раскрывает тайны загробной жизни и открывает для себя любовь, которая выходит за пределы физического мира.

Произведение сочетает в себе романтику, мистицизм и раннюю научную фантастику.

Также Гелиобас появляется ещё в двух романах Марии Корелли — «Ардаф» и «Душа Лилит».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Глебовская А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230725-6

ПРОЛОГ

Мы живем в эпоху торжества науки, а значит, и торжества просвещения. Прямо на наших глазах воплощаются в жизнь пророчества поэтов, дерзания ученых и философов — сказки становятся былью, но, несмотря на достижения разума и просвещения, которые доступны нам ежечасно, человечество все больше склоняется к неверию. «Бога нет! — восклицает один теоретик, — а если и есть, я не могу получить доказательств Его существования!» «Творца не существует! — подхватывает другой. — Вселенная всего лишь скопление атомов». «Бессмертие невозможно, — утверждает третий, — мы суть прах и во прах вернемся». «То, что идеалисты называют “душой”, — лишь витальная материя, состоящая из тепла и воздуха, которая в момент смерти покидает тело и воссоединяется со своими исконными элементами. Горящая свеча испускает свет; погаси свечу, и свет исчезнет — куда? Разве не безумие объявлять пламя свечи бессмертным? А ведь душа, вернее, витальная материя человеческого существования, ничем не отличается от пламени свечи».

Если задать этим теоретикам вечный вопрос: ПОЧЕМУ? — почему наш мир существует, почему создана вселенная, почему мы живем, почему думаем и к чему-то стремимся, почему в конце концов умираем? — их грандиозный ответ прозвучит так: «В силу существования Закона универсальной необходимости». Объяснить суть этого таинственного закона они не могут даже самим себе, не могут и копнуть достаточно глубоко, чтобы отыскать ответ на еще более грозное ПОЧЕМУ, а именно: ПОЧЕМУ существует Закон универсальной необходимости? Но их если не полностью, то частично удовлетворяют результаты их собственных размышлений, и они крайне редко устремляются мыслью за пределы этой великой расплывчатой бескрайней Необходимости — из страха, что их ограниченный разум ввергнется в безумие даже худшее, чем смерть. Соответственно, сознавая, что в нашу просвещенную эпоху мыслители всех стран постепенно окружают стеной скептицизма и цинизма все представления о Сверхъестественном и Незримом, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что мой рассказ о событиях, не так давно случившихся со мною лично, будет воспринят с недоверием. Я, безусловно, сознаю, что во времена, когда великая империя Христианской Религии постоянно подвергается нападкам или учтивому игнорированию со стороны чиновников, общественных деятелей и педагогов, попытка доказать — даже правдиво изложив историю странных событий, в которых ты сам участвовал, — что вокруг нас существует Сверхъестественное, будет воспринята как величайшая дерзость; так же будет воспринято и желание возвестить

с полнейшей уверенностью о грядущем состоянии, в каком окажется каждый живущий, пройдя через краткий период оцепенения души и замирания функций тела, известный нам как Смерть.

Я не жду, что кто-то поверит в истинность этого повествования, которое я специально назвала «романом», ибо рассказать я могу лишь то, что пережила лично. Знаю, что мои современники и современницы нуждаются в доказательствах или в том, что они готовы принять за доказательства: только после этого им будет дано поверить в то, что имеет отношение к жизни духа, в нечто невероятное, в непознаваемое чудо, которое, если верить пророчеству, недоступно им в силу их ограниченности. Лишь немногие способны воспринять те тонкие воздействия, то бесспорное, хотя и загадочное влияние, которое оказывает на их жизнь разум порядка высшего, чем их собственный — разум незримый, неведомый, лишь ощутимый. Да! Его ощущают даже самые беспечные и самые циничные: через мучительное предчувствие опасности, внутренние предвестия вины — через нравственные и умственные муки, которые вынуждены терпеть те, кто ведет затянувшуюся битву, дабы достигнуть в душе заслуженной победы добра над злом — через тысячи призывов, с которыми обращаемся мы нежданно к этому компасу жизни человеческой, Совести; ощущается оно и в блистательных, изумительных порывах великодушия, отваги и самопожертвования, которые зовут нас, заставляя забывать о последствиях, свершать великие и доблестные деяния, наполняющие весь мир звучными отголосками славы — деяния, что заставляют нас удивляться себе даже в момент их совершения, проявления геро-

изма, когда сама жизнь ни во что не ценится, а Душа обретает краткий миг торжества, слепо повинаясь водительству чего-то, что сродни ей самой, но пребывает в более высоких чертогах Мысли.

Существованию подобных вещей нет никаких доказательств, однако подлинность их бесспорна. Чудеса наших дней безмолвны и творятся лишь в умах и сердцах человеческих. Неверие почти безраздельно воцарилось в современном мире. Даже если в центр просторной площади спустится с небес ангел, толпа решит, что он предварительно поднялся ввысь с помощью тросов и блоков, и попытается отыскать этот механизм. А если он в гневе уничтожит неверующих, если крылья его вспыхнут пламенем и тысячи сгинут от одного дрожания его пера, те, что останутся в живых, скажут, что произошел мощный взрыв динамита или что площадь находилась над потухшим вулканом, который внезапно ожил. Все что угодно, только бы не верить в ангелов — девятнадцатое столетие бунтует против самой возможности их существования. Не умеет оно видеть чудеса и презрительно отмахивается от трепета, способного их сотворить.

— Дайте нам неоспоримый знак, — заявляет оно. — Докажите неопровержимо свою правоту — и тогда я, наперекор Прогрессу и Теории Атома, вам поверю.

Ответ на эти слова был произнесен тысячу восемьсот с лишним лет назад: «О, род неверный и развращенный! Ты взыскуешь знамения, но не будет оно тебе даровано»¹.

¹ Смешанная цитата из Евангелия от Луки, гл. 9, стих 41, и Евангелия от Матфея, гл. 12, стих 39. (*Прим. ред.*)

Если я сейчас скажу, что МНЕ это знамение было даровано — мне, одной из тысяч его взыскующих, — столь дерзновенное заявление натолкнется на суровый отпор со стороны всех, кто станет переворачивать следующие страницы; каждый, кто станет читать их, имеет собственное мнение по всем предметам и, разумеется, считает его наилучшим, а то и единственно верным. Засим хочу сказать сразу, что не собираюсь в этой книге доказывать никаких теорий из области религии и философии и не несу ответственности за то, что будет высказано моими персонажами. У меня одна цель: позволить фактам говорить за себя. Если кому-то они покажутся странными, невероятными и даже невозможными, могу лишь сказать, что те, чьи мысли и побуждения ограничены пределами здешнего бытия, всегда рассматривали явления незримого мира только в таком ключе.

ГЛАВА I

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Зимой 188... года меня терзали сразу несколько нервных недугов, вызванных непосильным трудом и бесконечными тревогами. Самым назойливым из этих недугов стала продолжительная мучительная бессонница, сопровождавшаяся крайней подавленностью и сильнейшей тревогой. Меня мучили тягостные предчувствия, и организм постепенно дошел до такой степени физического и душевного расстройства, что даже тихие и умиротворяющие голоса друзей стали вызывать во мне лишь нервозность и раздражение. Мне пришлось оставить работу; музыка, единственная моя страсть, сделалась невыносимой; книги утомляли зрение, и даже короткая прогулка на свежем воздухе вызывала такую немощь и упадок сил, что вскорости мне стала тягостна сама мысль о том, чтобы выйти из дома. Стало ясно, что мне необходима медицинская помощь, и опытный, обаятельный доктор Р., известный специалист по нервным болезням, пользовал меня много недель, но без малейшего успеха. Его, беднягу, нельзя винить в том, что лечение его не при-

несло плодов. Он знал единственный метод врачевания и применял его ко всем пациентам, с более или менее удовлетворительным результатом. Одни умирали, другие поправлялись — это была лотерея, в которой мой друг-эскулап ставил на кон свою репутацию и выигрывал. Умершие пациенты не могли ничего поведать, а поправившиеся повсюду восхваляли своего спасителя, посылали ему в дар серебряные блюда и корзины с вином, тем самым выражая свою признательность. Известность его была велика, он считался великолепным специалистом, а его неспособность помочь лично мне проистекала, я полагаю, из некоего дефекта или тайного сопротивления моего собственного организма, каковые стали для доктора совершенно новым опытом, к которому он оказался не готов. Бедный доктор Р.! Сколько пузырьков ваших, приятных на вкус и дорогих снадобий я проглотила со слепой верой и еще более слепым неведением касательно того, какие оскорбления наношу принципам своей внутренней природы, которая, если дать ей волю, способна сама героически сражаться за то, чтобы восстановить исконное равновесие и излечиться самостоятельно; но, если подвергнуть ее экспериментам со всевозможными ядами и препаратами, силы ее иссякают в этом неестественном состязании, она чахнет, и порой не дано ей более возродиться к былой бодрости. Озадаченный бесплодностью своих попыток меня излечить, доктор Р. в итоге прибегнул к тому, к чему прибегают все лекари, если лечение не дает результата. Он порекомендовал мне сменить обстановку и настоял на отъезде из Лондона, затянутого мрачным покро-

вом угрюмых зимних туманов, к радостям, солнцу и розам Ривьеры. Мне и самой затея эта пришлось по душе, поэтому я решила последовать его совету. Прослышав о моих намерениях, мои американские друзья, полковник Эверард и его очаровательная молодая жена, решили меня сопровождать, чтобы помимо прочего разделить расходы на дорогу и проживание. Из Лондона мы выехали все вместе, сырым и туманным вечером, таким студеным, что воздух будто вгрызался в тело острыми звериными зубами, и после двух дней стремительных передвижений, по ходу которых дух мой постепенно воспрянул, а мрачные предчувствия исчезли одно за другим, мы прибыли в Канны, где остановились в отеле Л. Место было прелестное, отличавшееся изумительным расположением: в запущенном саду цвели розы, аллея была обсажена апельсиновыми деревьями — они только начинали цвести и наполняли дивный теплый воздух тонким ароматом.

Миссис Эверард была в восторге.

— Боюсь, что, если вы и здесь не поправитесь, случай ваш безнадежный, — произнесла она шутливо на второе утро после нашего приезда. — Какой солнечный свет! Какой нежный ветерок! Тут любой калека отбросит костыли и забудет о своей хромоте. Вы со мною согласны?

Я в ответ лишь улыбнулась, вздохнув про себя. Да, виды, воздух и все наше окружение были прелестны, но я не могла не заметить, что временный подъем настроения, вызванный новизной впечатлений на пути в Канны, начинает медленно, но верно иссякать. Невыносимая апатия, с кото-

рой я боролась столько месяцев, вновь овладевала мною со всей своей неодолимой безжалостностью. Я как могла сопротивлялась: совершала прогулки, ездила верхом, болтала и смеялась с миссис Эверард и ее мужем, принуждала себя к общению кое с кем из постояльцев, с теми, что были настроены благожелательно. Я призвала на помощь всю силу воли, чтобы отгонять волны физической и душевной немощи, которые грозили полностью пресечь ток моей жизни; в некоторых из этих начинаний я отчасти преуспела. Но отчетливее всего ужасы моего положения являлись мне по ночам. Тогда сон бежал прочь, голову терновым венцом сжимало кольцо тупой пульсирующей боли; я с головы до ног сотрясалась от нервной дрожи, в ушах с утомительной навязчивостью звучали обрывки собственных моих музыкальных сочинений — и, слушая их, я впадала в мучительное состояние, ибо никак не могла вспомнить, чем они заканчиваются, вотще вслушивалась в переливы и трели, которые никак не складывались в сколь бы то ни было убедительный финал. Дни проходили один за другим; для полковника Эверарда и его жены они были наполнены радостью, удовольствием, поездками по интересным местам. Для меня — хотя я и участвовала в общих удовольствиях — дни эти были омрачены все нараставшими унынием и отчаянием; я постепенно утрачивала надежду на то, что когда-то вновь обрету силы и бывшее цветущее здоровье, а самое главное — я полностью утратила способность работать. Я была молода, еще несколько месяцев тому назад передо мной прости-

ралась прекрасная жизнь и прекрасное профессиональное поприще. А что теперь? Я превратилась в беспомощного инвалида, бремя для себя и других — в сломанную мачту, которую, вместе с иными обломками потерпевшего крушение корабля жизнь носит по бескрайнему океану Времени: скоро их поглотят пучина и забвение. Впрочем, спасение мое было близко: спасение неожиданное и удивительное, какое не могло мне явиться и в самых смелых мечтах.

Одновременно с нами в том же отеле остановился молодой художник-итальянец по имени Рафаэлло Челлини. Совсем недавно картины его начали привлекать к себе благосклонное внимание римлян и парижан, не только по причине безупречности рисунка, но и в силу изумительно тонкой работы с цветом. Он умел переносить на свои полотна столь теплые, насыщенные и богатые оттенки, что его коллеги по ремеслу, не столь виртуозно владевшие палитрой, объявили, что он, видимо, изобрел некий новый компонент, который делает используемые им пигменты богаче и ярче; впрочем, говорили они, эффект этот недолговечен, и через восемь-десять лет картины его под влиянием дневного цвета начнут стремительно выцветать, останутся лишь смутные очертания. Другие, более благожелательные, поздравляли его с тем, что он заново открыл секреты старых мастеров. Говоря коротко, его превозносили и клеймили, ему льстили и завидовали — все одновременно; сам же он, будучи человеком отменно уравновешенным и невозмутимым, работал, не переставая, почти или совсем не обращая внимания на мирскую хвалу и хулу.

В отеле Л. у Челлини был очень милый номер из нескольких комнат, и мои друзья, полковник и миссис Эверард, свели с юным художником тесное знакомство. Он вполне охотно ответил на их расположение, и в результате его мастерская превратилась для нас в своего рода гостиную — мы там пили чай, беседовали, рассматривали картины или обсуждали планы новых удовольствий. Как это ни странно, визиты в мастерскую Челлини очень благотворно и умиротворяюще подействовали на мои расстроенные нервы. Сама мастерская, просторная и элегантная, обставленная с «художественным беспорядком», со смешанной роскошью, столь любезной творческим людям, — тяжелые бархатные шторы, блеск мраморных бюстов и разбитых колонн, пышность и аромат цветов в крошечной оранжерее, которая примыкала к мастерской и вела в сад, где мелодично звенел фонтан, — все это было мне по сердцу и давало необъяснимое, но столь желанное ощущение полного покоя. Челлини и сам относился ко мне с интересом, по той же причине. Приведу пример: помню, однажды я ускользнула от миссис Эверард и укрылась в самой безлюдной части сада, чтобы побыть там в одиночестве и успокоить разыгравшиеся нервы — приступ настиг меня внезапно. Я в лихорадочном возбуждении металась по дорожкам и вдруг увидела, что ко мне идет Челлини, задумчиво склонив голову и сцепив руки за спиной. Приблизившись, он поднял глаза — ясные, подобные черным бриллиантам — и взгляделся в меня с благожелательной улыбкой. Потом, со свойственным итальянцам почтительным изяществом приподняв шляпу, он двинул-